

В. Д. ВИКТОРОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ТРУДАХ В. А. ГОРОДЦОВА

В последние десятилетия, когда оживилась теоретическая мысль в советской археологии, все чаще на страницах статей появляется имя В. А. Городцова. В 60—70-е гг. оно упоминается при обсуждении принципов периодизации археологического материала¹, типологического метода². В историографических и юбилейных работах подчеркивается историзм трудов В. А. Городцова³, его заслуги как сотрудника Государственного Исторического музея, как основоположника учения о бронзовом веке Европейской России⁴. Теоретическая деятельность В. А. Городцова оценивается крайне лаконично⁵.

Уходит человек, постепенно забывается его облик, забываются страсти, кипевшие вокруг его имени, на суд новых поколений остаются статьи и монографии ученого, и тот факт, что из его школы вышли такие археологи, как А. В. Арциховский, П. А. Дмитриев, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, В. П. Левашова, Е. Н. Липеровская, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс⁶.

В предлагаемой статье не ставится задача раскрыть всю археологическую деятельность В. А. Городцова, в ней на основании работ 20-х гг. анализируется только теоретическая часть его наследия. Чтобы понять место работ В. А. Городцова «Каменный век» (1923), «Типологический метод в археологии» (1927), необходимо определить тот историко-культурный фон, на котором они появились. Для ученого, занимающегося конкретной наукой, этот фон складывается на различном уровне, из различных компонентов знания.

В. А. Городцов был знаком с достижениями как отечественной, так и зарубежной археологии конца XIX — начала XX в., сам весьма плодотворно занимался конкретными археологическими исследованиями (1901, 1905, 1916), позволившими вывести ряд эмпирических закономерностей в развитии археологических феноменов. В поисках объяснения этих закономерностей В. А. Городцов пришел к необходимости их философского осмысления. Теоретические взгляды В. А. Городцова формировались на рубеже двух веков. Это был период ломки естественнонаучной картины мира, сложившейся ко второй половине XIX в., и изменения в связи с этим мировоззренческих установок ученых. Это было начало кризиса всей духовной жизни буржуазного общества: в философии, истории, искусстве появилась масса новых направлений, школ завуалированного и откровенно идеалистического толка⁷. В археологии и этнографии на рубеже XIX—XX в. происходит кризис идей эволюцио-

низма, все большее влияние приобретают различные направления культурно-исторической школы.

Что же собой представляло мировоззрение В. А. Городцова? В его работе «Археология» (1923) упоминаются имена философов, в основном представителей раннего позитивизма, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля; историков-позитивистов Г. Бокля, Н. И. Кареева, неопозитивиста-психолога В. Вундта. Возникает много вопросов. Почему В. А. Городцов не упоминает и не использует марксистскую философию? Почему из работ О. Конта и Г. Спенсера извлекаются отдельные идеи, связанные с общим методом, но остаются в стороне социологические изыскания? Почему В. А. Городцов не использует работы Риккерта и Виндельбанда, в которых специально рассматривается методология исторической науки?⁸ Почему, наконец, не были использованы многочисленные труды по методологии истории отечественных авторов — П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. Петрушевского, В. М. Хвостова?

Думается, что неправильно было бы обвинять В. А. Городцова в незнании новых направлений в философии и истории. Перечень имен в работе В. А. Городцова не произволен и не случаен. Обращение ученого к ранним позитивистским концепциям понятно: их работы подкупали простотой изложения, привлекали апелляцией к эмпирическим знаниям, в них большое место уделялось методологии наук, давалось философское (субъективно-идеалистическое) обоснование идей закономерности и прогресса общественного развития. В работах неокантианцев, при акценте на эмпиризм и методологию науки, элиминировалась содержательная сторона исторического процесса, поэтому методология приобретала умозрительный характер, явно проступал субъективизм в подходе к факту, критериям классификации.

И все же, несмотря на явные симпатии В. А. Городцова к философии раннего позитивизма, нет оснований считать его взгляды позитивистскими. В отличие от философского релятивизма и индетерминизма, провозглашенных еще О. Контом, В. А. Городцов целью науки считал познание истины⁹, а в качестве коренного закона археологических явлений выдвигает закон индустриальной причинности¹⁰. Его не интересовали исходные позиции философии позитивистов, более того, считая археологию естественной наукой, В. А. Городцов совершенно не использовал социологическую часть позитивистских концепций.

Нет также оснований считать взгляды В. А. Городцова переходными от позитивизма к марксизму¹¹. Нельзя обвинять ученого в том, что в начале XX в. его философия археологии не опиралась на социологическую теорию К. Маркса. Задача соединения конкретных наук с материалистической диалектикой уже была поставлена в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса, «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина. Но марксистская теория еще не была раскрыта для большинства естествоиспытателей. Ученым, занимающимся конкретными науками, в том числе археологам, еще предстояло глубоко освоить и изучить марксизм, чтобы использовать его как общий метод познания.

Думается, что более верным будет определить мировоззрение

В. А. Городцова как стихийно-материалистическое, отражавшее состояние естественных наук второй половины XIX в., когда механистическая картина мира дополнилась идеями эволюционизма и начал складываться новый стиль мышления, требовавший систематизации накопленного материала и его объяснения. В. И. Ленин определил такое миропонимание большинства естествоиспытателей конца XIX в. как «естественно-исторический материализм, т. е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение... в объективной реальности внешнего мира, отображаемого нашим сознанием»¹².

В. А. Городцов поставил задачу разработать методологию археологии — теорию и философию ее¹³, рассмотрев все компоненты археологии как науки: место ее среди других наук (определение объекта и предмета науки), законы и термины (теория как система законов и категорий), методы, историю археологических учений и дать на этом основании систематический обзор археологических фактов. Следует отметить, что современная методология, разработанная в многочисленных специальных трудах, включает в систему научного знания те же основные элементы: историю науки, ее предмет, научные факты, теорию, методы.

Поскольку методология научного исследования в 20-е гг. еще не обладала достаточно строгой категориальной системой, объект археологического исследования определялся В. А. Городцовым то как объект, то как предмет — «материальные культуры»¹⁴, вещественные творения вымерших поколений, древнейшие памятники дописьменного периода (первобытная археология) и памятники домашнего и общественного быта письменного периода¹⁵. В. А. Городцов определяет задачи и уровень исследования, то, что в современной методологии считается предметом науки, как «закономерность условий возникновения и изменения форм творений некогда живших поколений человечества»¹⁶. Формально такое определение предмета и объекта археологического исследования совпадает с некоторыми современными трактовками этих категорий¹⁷.

Необходимость систематизации наук породила в XIX в. множество классификаций. В. А. Городцов в поисках места археологии, прежде всего, рассмотрел некоторые философские классификации¹⁸. Ни позитивистские схемы Спенсера и Вундта, ни эмпирическая теория Троицкого не удовлетворили ученого, так как в них не нашлось места археологии. Эти работы В. А. Городцов без какой-либо внутренней критики использовал для создания общей космологической схемы. Внешние круги ее — логика и математика — предстают как главные орудия науки (О. Конт, Бокль), но в дальнейшем как таковые автором не используются. Далее последовательно расположены физика и химия; астрономия без какого-либо объяснения помещается между химией и геологией; за последней следует биология. Биологии и биологической классификации В. А. Городцов уделяет большое внимание. В разделах «Происхождение человека как творца археологических памятников» и «Древность человека» он подробно разбирает биологические классификации Линнея, Ламарка, Геккеля, Дарвина, с тем чтобы вслед за ними провозгласить человека высшей ступенью биологической эволюции, — и только. Все отличия человека от других биологических особей носят характер

низма, все большее влияние приобретают различные направления культурно-исторической школы.

Что же собой представляло мировоззрение В. А. Городцова? В его работе «Археология» (1923) упоминаются имена философов, в основном представителей раннего позитивизма, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля; историков-позитивистов Г. Бокия, Н. И. Кареева, неопозитивиста-психолога В. Вундта. Возникает много вопросов. Почему В. А. Городцов не упоминает и не использует марксистскую философию? Почему из работ О. Конта и Г. Спенсера извлекаются отдельные идеи, связанные с общим методом, но остаются в стороне социологические изыскания? Почему В. А. Городцов не использует работы Риккерта и Виндельбанда, в которых специально рассматривается методология исторической науки?⁸ Почему, наконец, не были использованы многочисленные труды по методологии истории отечественных авторов — П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. Петрушевского, В. М. Хвостова?

Думается, что неправильно было бы обвинять В. А. Городцова в незнании новых направлений в философии и истории. Перечень имен в работе В. А. Городцова не произволен и не случаен. Обращение ученого к ранним позитивистским концепциям понятно: их работы подкупали простотой изложения, привлекали апелляцией к эмпирическим знаниям, в них большое место уделялось методологии наук, давалось философское (субъективно-идеалистическое) обоснование идей закономерности и прогресса общественного развития. В работах неокантианцев, при акценте на эмпиризм и методологию науки, элиминировалась содержательная сторона исторического процесса, поэтому методология приобретала умозрительный характер, явственно проступал субъективизм в подходе к факту, критериям классификации.

И все же, несмотря на явные симпатии В. А. Городцова к философии раннего позитивизма, нет оснований считать его взгляды позитивистскими. В отличие от философского релятивизма и индетерминизма, провозглашенных еще О. Контом, В. А. Городцов целью науки считал познание истины⁹, а в качестве коренного закона археологических явлений выдвигает закон индустриальной причинности¹⁰. Его не интересовали исходные позиции философии позитивистов, более того, считая археологию естественной наукой, В. А. Городцов совершенно не использовал социологическую часть позитивистских концепций.

Нет также оснований считать взгляды В. А. Городцова переходными от позитивизма к марксизму¹¹. Нельзя обвинять ученого в том, что в начале XX в. его философия археологии не опиралась на социологическую теорию К. Маркса. Задача соединения конкретных наук с материалистической диалектикой уже была поставлена в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса, «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина. Но марксистская теория еще не была раскрыта для большинства естествоиспытателей. Ученым, занимающимся конкретными науками, в том числе археологам, еще предстояло глубоко освоить и изучить марксизм, чтобы использовать его как общий метод познания.

Думается, что более верным будет определить мировоззрение

В. А. Городцова как стихийно-материалистическое, отражавшее состояние естественных наук второй половины XIX в., когда механистическая картина мира дополнилась идеями эволюционизма и начал складываться новый стиль мышления, требовавший систематизации накопленного материала и его объяснения. В. И. Ленин определил такое миропонимание большинства естествоиспытателей конца XIX в. как «естественно-исторический материализм, т. е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение... в объективной реальности внешнего мира, отображаемого нашим сознанием»¹².

В. А. Городцов поставил задачу разработать методологию археологии — теорию и философию ее¹³, рассмотрев все компоненты археологии как науки: место ее среди других наук (определение объекта и предмета науки), законы и термины (теория как система законов и категорий), методы, историю археологических учений и дать на этом основании систематический обзор археологических фактов. Следует отметить, что современная методология, разработанная в многочисленных специальных трудах, включает в систему научного знания те же основные элементы: историю науки, ее предмет, научные факты, теорию, методы.

Поскольку методология научного исследования в 20-е гг. еще не обладала достаточно строгой категориальной системой, объект археологического исследования определялся В. А. Городцовым то как объект, то как предмет — «материальные культуры»¹⁴, вещественные творения вымерших поколений, древнейшие памятники дописьменного периода (первобытная археология) и памятники домашнего и общественного быта письменного периода¹⁵. В. А. Городцов определяет задачи и уровень исследования, то, что в современной методологии считается предметом науки, как «закономерность условий возникновения и изменения форм творений некогда живших поколений человечества»¹⁶. Формально такое определение предмета и объекта археологического исследования совпадает с некоторыми современными трактовками этих категорий¹⁷.

Необходимость систематизации наук породила в XIX в. множество классификаций. В. А. Городцов в поисках места археологии, прежде всего, рассмотрел некоторые философские классификации¹⁸. Ни позитивистские схемы Спенсера и Вундта, ни эмпирическая теория Троицкого не удовлетворили ученого, так как в них не нашлось места археологии. Эти работы В. А. Городцов без какой-либо внутренней критики использовал для создания общей космологической схемы. Внешние круги ее — логика и математика — предстают как главные орудия науки (О. Конт, Бокль), но в дальнейшем как таковые автором не используются. Далее последовательно расположены физика и химия; астрономия без какого-либо объяснения помещается между химией и геологией, за последней следует биология. Биологии и биологической классификации В. А. Городцов уделяет большое внимание. В разделах «Происхождение человека как творца археологических памятников» и «Древность человека» он подробно разбирает биологические классификации Линнея, Ламарка, Геккеля, Дарвина, с тем чтобы вслед за ними провозгласить человека высшей ступенью биологической эволюции, — и только. Все отличия человека от других биологических особей носят характер

количественный: большой объем мозга, физическое превосходство, большее количество и степень координации умственных способностей¹⁹. На этом фоне создание человеком «вещественных творений» предстает как простое следствие его умственного превосходства над остальными биологическими особями. Отсюда следует, что археология и этнология — это специальные науки антропологического отдела, входящего в состав биологии²⁰. В. А. Городцов не увидел в человеческом обществе качественно новой ступени развития природы; как большинству представителей стихийного материализма XIX — начала XX в. ему был свойствен механистический, антропологический взгляд на человека: законы низшей формы движения — биологической — переносились на высшую, общественную.

Мировоззренческая установка В. А. Городцова наиболее четко проявилась в обосновании теории археологии, представляющей собой систему законов «возникновения и развития изменения форм творений» человека во времени и пространстве, законов взаимосвязи этих форм, законов взаимной связи вещей, созданных человеком и человеческим сознанием («человеческим духом»). В. А. Городцов выделяет несколько законов развития археологических явлений.

В законе индустриальной причинности он видит выражение мирового, сейчас бы мы сказали всеобщего, закона причинной взаимосвязи. Всеобщий характер принципа детерминизма и его действие в предметной среде не вызывает никакого сомнения у современного советского археолога и используется в качестве методологической посылки любой интерпретации археологического материала. В. А. Городцов был прав, когда полагал, что принцип причинности позволяет осуществлять как предвидение, так и ретроспективное исследование. Однако этот принцип трактовался автором в духе лапласовского детерминизма, весьма простым и однозначным представлялось движение от причины к следствию и наоборот: «всякое индустриальное явление представляется совершенно определенным феноменом и может быть предвидено с полной точностью»²¹. Определенный интерес вызывает выделение В. А. Городцовым эмпирических закономерностей развития форм вещной среды: образцами форм для первых творений человека служили произведения природы, причиной последующих были ранние памятники²². Речь идет о выделении законов аналогии и вертикальной преемственности в развитии предметной среды. Сходство индустриальных явлений, разделенных временем и пространством, автор объясняет одинаковыми исходными причинами. В этой идее можно усмотреть весьма важное основание для действия закона конвергенции.

Второй закон — закон индустриальной эволюции объясняет направление развития и причины изменения вещной среды. В. А. Городцов этот закон, как и закон индустриальной причинности, считает коренным, главным и в нем видит разновидность закона биологической эволюции. Индустриальная эволюция представляется В. А. Городцову как прогрессивное движение от простых форм орудий труда и быта, изготовленных по аналогии с природными формами, к более сложным. Отмечая неравномерность процесса у различных народов, он объясняет ее

борьбой явлений материальной культуры за существование. Соглашаясь с положением о прогрессивном развитии предметной среды, о неравномерном развитии конкретных обществ как одной из причин различия их предметной среды, мы никоим образом не можем согласиться с механистическим объяснением этого явления.

В. А. Городцов считал, что на действие закона эволюции вещей накладывается активность разума человека, позволяющая в соответствии с объективным законом эволюции делать выбор и варьировать деятельность. Различие вещей выступает в таком случае как результат активного воздействия конструктивности человеческого мышления на предмет труда. С этим выводом в общей его постановке вполне можно согласиться, хотя при этом безо всякого объяснения остается активная природа человеческого мышления и законы его конструктивности.

Сопоставляя развитие материальной культуры в эпохи камня и металла, В. А. Городцов приходит к выводу об ускорении темпов ее развития. Относительно медленное развитие культуры в ранние эпохи и в поздних изолированных обществах он объясняет действием закона индустриальной инерции. Эмпирически установив одну из сторон общественного развития — консерватизм традиций, В. А. Городцов, вполне понятно, не нашел для нее сколько-нибудь убедительного объяснения в теории эволюции и был вынужден интерпретировать явления индустриальной инерции через принцип «наименьшего расходования сил», заимствованный у представителя школы географического детерминизма Ратцеля.

Принцип «наименьшего расходования сил» противоречит наблюдениям об убыстряющемся темпе развития общечеловеческой культуры от палеолита до современности. Это противоречие, по мнению В. А. Городцова, разрешается через действие двух, близких по своей природе законов индустриального заимствования и индустриальных совпадений, объясняющих сходство явлений на разных территориях и в разное время. Ранее бытовавшие идеалистические интерпретации подобных явлений через единство человеческого духа и всеобщий инстинкт В. А. Городцов считает неприемлемыми. Он выдвигает две гипотезы схождения. Закон индустриального заимствования работает по схеме: один раз и одним народом совершенное открытие, заимствование его другими народами и параллельное развитие (синхронное схождение), наконец, — гибель феномена в исходном районе и продолжение его развития в других районах (схождение разновременных явлений). Как видно, исходное берется из концепции культурно-исторической школы. Правда, в работе 1923 г. эта мысль проводится автором еще недостаточно последовательно. Он допускает конвергентность: совпадения могут вызываться одинаковыми явлениями природы, доступными наблюдению различных народов²³. В более поздней работе В. А. Городцов доказывает, что любое совпадение есть недоказанное заимствование²⁴.

В статье «Типологический метод в археологии» В. А. Городцов выделяет закон борьбы индустриальных явлений за существование. Закон призван объяснить факты столкновения двух индустриальных явлений с одинаковой функцией. Подобные столкновения действительно возмож-

ны в обмене деятельностью между различными историческими общностями, в процессе ассимиляции. Со следствием закона борьбы индустриальных явлений в его абстрактной постановке вполне можно согласиться — поражение терпят индустриальные явления, наименее приспособленные к жизни. Но применительно к конкретным историческим процессам подобное объяснение недостаточно, оно ничего не дает для понимания результатов сложных столкновений общностей различных исторических периодов.

Таким образом, теория В. А. Городцова представляется как результат движения мысли с двух сторон: в качестве основания используется концепция эволюционизма. Она дополнена отдельными идеями географического детерминизма и диффузионизма. На этом достаточно эклектическом основании рассматриваются эмпирические закономерности, которые были накоплены в археологии и этнографии при анализе предметной среды: убыстряющийся темп развития культуры, прогрессивное развитие культуры и неравномерность его в различных конкретно-исторических группах, горизонтальная и вертикальная преемственность в развитии культуры, конвергенция, активность человеческого сознания в создании предметной среды. Вот эти эмпирические закономерности, требующие расшифровки на иной теоретической основе, и представляют, на наш взгляд, наибольший интерес для современной археологии.

Теория как совокупность законов, по мнению В. А. Городцова, должна служить не только основанием для объяснения индустриальных явлений, но и основанием методов исследования археологических феноменов. В. А. Городцов делит методы исследования на всеобщие, частные и общие. В таком расположении методов есть свой смысл. Индукция и дедукция как всеобщие методы используются в любой науке, в частных и общих методах. Возможно, под влиянием эмпиризма позитивистов (Дж. Ст. Милль, Бокль), а скорее всего потому, что археология была преимущественно наукой эмпирической, В. А. Городцов отдает предпочтение индуктивному методу, но при этом подчеркивает, что дедукция необходимо дополняет индукцию. За дедукцией и индукцией следует четкая субординация методов от археологического наблюдения и описания к типологической классификации, далее к сравнительному и, наконец, историческому методу. По существу, здесь излагается та структура археологического исследования, с которой мы встречаемся на страницах современных теоретических работ²⁵.

Вторая группа методов — специальные археологические. Специальными они являются не потому, что выведены самими археологами (стратиграфическое описание при раскопках заимствовано из геологии, а типология из видовой классификации биологии и минералогии), а потому что археологами они переработаны таким образом, что превратились в собственно археологические методы исследования. «Сущность метода археологических раскопок заключается в объективном наблюдении»²⁶. Здесь важно подчеркнуть принципиальное отличие задач археологического наблюдения от задач позитивистского исследования. Для В. А. Городцова наблюдение — это «выяснение причинной связи древних памятников с содержащей их почвой и друг с другом», а также

«в отношении некогда оставившего их человека»²⁷. О. Конт отказывается от «познания внутренних причин и явлений», так как в результате комбинации наблюдения и рассуждения можно познать только «неизменные отношения последовательности и подобия»²⁸.

При сложных ситуациях (наблюдение при раскопках многослойных памятников) наиболее результативным оказывается сочетание индуктивного и дедуктивного метода: от фактов — к гипотезе, от гипотезы — снова к фактам. Здесь, имея дело с конкретным археологическим материалом, В. А. Городцов совершает прорыв за пределы позитивистского конвенционализма как способа проверки истинности идей: правильность идей, гипотез проверяется не их общезначимостью и не собственным здравым смыслом, а новыми наблюдениями, новыми фактами действительности²⁹. В. А. Городцов подчеркивает, что для снятия субъективизма все детали в ходе раскопок должны тщательно фиксироваться, а для дальнейшего камерального исследования необходимо «брать как можно больше» находок.

Второй специальный метод, используемый археологией, — типологический. Типология — начальная классификация предметов, явлений, полученных в результате раскопок. Цель первоначальной классификации — упорядоченное описание комплекса предметов с памятника. В отличие от современной археологии, которая «до сих пор не располагает общей теорией классификации»³⁰, В. А. Городцов положил в основание типологии систему законов возникновения и изменения форм творений человечества, выведенных им в теории археологии³¹. Эта попытка научно обосновать свой типологический принцип очень важна.

Еще до создания теории В. А. Городцов имел предварительный опыт типологии керамики (1901) и холодного оружия (1906), где принципы сложились в процессе анализа конкретного материала. Они были проверены в работах учеников. Этот опыт в сочетании с теорией позволил В. А. Городцову построить схему классификации изделий памятника: категория — разделение предметов по функциональному назначению; группа — деление предметов одной категории по веществу (материалу); отдел — деление предметов одной категории и группы по форме (важному признаку формы); тип — начальная единица классификации, «совокупность предметов, схожих по веществу, форме и назначению»³². Эта схема в тех или иных вариантах используется в современной археологии.

После описания классов следует процедура установления пределов распространения явлений в пространстве путем картографирования типов и сравнения их во времени путем определения хронологии. Сравнение древних предметов с современными позволяет установить смысл (функциональное назначение) первых. Сравнивая синхронные или разновременные явления, можно через посредство законов индустриальной эволюции и инерции, закона индустриального заимствования установить «культурные течения и влияния одних народов на другие»³³.

Типология в сочетании со сравнительным методом позволяет перейти к классификации материальных культур, состоящих из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания. Здесь

В. А. Городцовым перечисляются компоненты, по которым проводится сопоставление материала, устанавливается различие или сходство материальных культур как «организмов, подлежащих измерению во времени и в пространстве»³⁴. По закону индустриального заимствования (при последовательном диффузионизме) различие, самобытность археологических культур относительны.

Типология в сочетании с историческим методом позволяет установить классификацию археологического времени. В. А. Городцов проанализировал хронологические классификации своих предшественников и нашел, что в них нет единства признаков деления, а терминология пространственно ограничена. Считая непереносимым условием археологического исследования учет изменения древней фауны, флоры, антропологического материала, он убежден, что археология должна иметь свои специфические основания периодизации: материал, степень совершенства орудий (развитие технических приемов обработки) и развитие форм орудий, связанное с детализацией технических приемов³⁵.

Категория «индустриальная эра» упоминается автором для обозначения временного отрезка от появления первых памятников человеческой деятельности до наших дней. Категория «период» вводится для разделения археологического времени в соответствии с освоением человеком природных материалов — периоды камня и металла. Третий класс — деление индустриальной эры на семь эпох в соответствии с совершенствованием основных технологических процессов. В свою очередь, каждая эпоха делится на три поры, материальная культура которых различается по форме и размерам изделий.

Начиная с эпохи палеолита в число признаков классификации вводятся предметы искусства, а с эпохи неолита — формы хозяйства и предметы быта, т. е. те же компоненты, что и при выделении культуры. В связи с этим важно подчеркнуть мнение В. А. Городцова о том, что нельзя смешивать классификацию культур с классификацией археологического времени³⁶. Первая, являясь пространственно-временной, учитывает всю совокупность признаков; археологические культуры могут быть синхронными. Вторая — только временная, ее основной признак — степень совершенства орудий труда.

В соответствии с изложенным методом В. А. Городцов в исторической части «Археологии» дал систематический обзор археологических фактов периода камня. В ряде работ советских археологов 1925—1931 гг. содержится творческая разработка типологического метода в пределах теоретической концепции В. А. Городцова³⁷.

Почему же мы возвращаемся к трудам В. А. Городцова?

Прежде всего потому, что в этих трудах мы видим первый самоанализ археологической науки, первую попытку создать философию археологии. Сегодня мы можем говорить об исторической ограниченности в понимании объекта, задач исследования, о понимании археологического факта только как эмпирического факта археологии и т. д. Вместе с тем в работах В. А. Городцова впервые археология рассматривается как система научных знаний, располагающая собственным объектом, задачами исследования, своей теорией и совокупными методами, системой

фактов, историей науки. Заслуга В. А. Городцова состоит в том, что он понял необходимость философских обоснований археологической науки, понял, что археологические явления нельзя объяснить, исходя только из самих этих явлений, что они связаны с природой человека — творца предметного мира. Стихийно-материалистическая, эволюционистская позиция не позволила В. А. Городцову установить действительную предметно-практическую, общественную природу человека, а следовательно, и природу его творений. В этом, а также в эклектизме теории основная причина сначала борьбы с теоретической позицией В. А. Городцова (30-е гг.), а затем забвения его теоретических работ.

Отрицая философские позиции, на которые опирался В. А. Городцов, мы считаем актуальной идею внутренней необходимости философского обоснования теории археологии, необходимости философского объяснения эмпирических закономерностей археологии. Опыт создания археологической теории В. А. Городцовым показывает, что в качестве обоснования нельзя использовать произвольно вырванные части различных философских или теоретических концепций. Только адекватно отражающая процесс общественного развития марксистско-ленинская философия может служить научным обоснованием археологической теории.

Чрезвычайно ценной, на наш взгляд, чертой теоретической части работы В. А. Городцова является ее целостность. Целостность определяется едиными принципами, пронизывающими всю науку и позволяющими представить ее как единую систему. Целостности недостает современной археологии, ибо принципы формулируются и обосновываются в теории, а таковой пока что в археологии нет. Важнейшим принципом, определяющим целостность системы археологических знаний, на наш взгляд, будет диалектико-материалистический принцип предметно-практической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. И. Громов. Принципы построения схемы периодизации палеолита.— В кн.: Рабочее совещание по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы. М., 1959; Д. А. Крайнов. Значение трудов В. А. Городцова о палеолите.— «Тр. ГИМ», 1960, вып. 37.

² Я. А. Шер. Типологический метод в археологии и статистика.— В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966; И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2; И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников. М., 1975.

³ А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

⁴ А. Я. Брюсов, В. А. Городцов.— «Тр. ГИМ», 1960, вып. 37; А. Л. Монгайт. Возникновение и первые шаги советской археологии.— «История СССР», 1963, № 4; Он же. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

⁵ А. Л. Монгайт. Возникновение и первые шаги советской археологии.— «История СССР», 1963, № 4; А. Н. Рогачев. О предмете и методе первобытной археологии.— В сб.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

⁷ И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.

⁸ На рубеже XIX—XX вв. на русский язык переводится большое число работ философов, социологов, психологов, историков всех новых направлений.— См.: Мате-

риалы к библиографии по философии истории.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

⁹ В. А. Городцов. Археология, т. 1. М.— Л., 1923, с. 6, 30.

¹⁰ Там же, с. 8.

¹¹ В. М. Фриче. Предисловие к сб. ТСА, т. 4, 1928.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 368.

¹³ В. А. Городцов. Археология, т. 1, с. 3.

¹⁴ Там же, с. 20.

¹⁵ Там же, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 5.

¹⁷ Г. П. Григорьев. О предмете археологии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973; Ю. Н. Захарук. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования.— В сб.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

¹⁸ В. А. Городцов. Археология, т. 1, с. 5.

¹⁹ Там же, с. 63.

²⁰ Там же, с. 5—6.

²¹ Там же, с. 8.

²² Он же. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.

²³ Он же. Археология, т. 1, с. 14.

²⁴ Он же. Типологический метод...

²⁵ И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ..., с. 10—16.

²⁶ В. А. Городцов. Археология, т. 1, с. 1.

²⁷ Там же, с. 15—16.

²⁸ О. Конт. Курс положительной философии. СПб, 1899, с. 4.

²⁹ В. А. Городцов. Археология, т. 1, с. 16.

³⁰ И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ..., с. 47.

³¹ В. А. Городцов. Типологический метод...

³² Там же, с. 17.

³³ Он же. Археология, т. 1, с. 19.

³⁴ Там же, с. 30.

³⁵ Там же, с. 22—23.

³⁶ Там же, с. 29.

³⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы.— ТСА, т. 4, 1928; С. В. Киселев. Тагарская культура.— ТСА, т. 2, 1928.